

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.13>

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ГЛАВ РАБОТЫ И. Н. БЕРЕЗИНА "ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДАГЕСТАНУ И ЗАКАВКАЗЬЮ"

В данной статье изучаются сведения о Восточном Кавказе, оставленные российским востоковедом Ильей Николаевичем Березиным в его труде "Путешествие по Дагестану и Закавказью", подготовленном по результатам его путешествия на Восток и ставшем важным историческим источником. Проводится сопоставительный анализ содержания двух глав - "От Дербента до Кубы" и "От Кубы до Баку", - на основе которого автор устанавливает "достоверные" и "вероятностные" сведения. Несмотря на то, что работа носит "публицистический" характер, в ней есть важные эпиграфические материалы, данные по генеалогии кубинских ханов, строительству Дербентской крепости и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/13.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 60-64. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.23

Дата поступления рукописи: 16.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.13>

В данной статье изучаются сведения о Восточном Кавказе, оставленные российским востоковедом Ильей Николаевичем Березиным в его труде «Путешествие по Дагестану и Закавказью», подготовленном по результатам его путешествия на Восток и ставшем важным историческим источником. Проводится сопоставительный анализ содержания двух глав – «От Дербента до Кубы» и «От Кубы до Баку», – на основе которого автор устанавливает «достоверные» и «вероятностные» сведения. Несмотря на то, что работа носит «публицистический» характер, в ней есть важные эпиграфические материалы, данные по генеалогии кубинских ханов, строительству Дербентской крепости и т.д.

Ключевые слова и фразы: путешествие; Дагестан; Закавказье; Дербент; востоковедение; исторический источник; И. Н. Березин; династии; хан; Куба.

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра

Российской академии наук, г. Махачкала

polchaeva94@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ГЛАВ РАБОТЫ И. Н. БЕРЕЗИНА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДАГЕСТАНУ И ЗАКАВКАЗЬЮ»

В XIX веке усиливается интерес России к странам Востока, что, естественно, повысило интерес к востоковедению. Большой вклад в это дело внес Восточный факультет Казанского университета, практиковавший в то время научные путешествия в страны мусульманского Востока. Занятия студентов с носителями азиатских языков, непосредственное знакомство с историей и культурой во время научных командировок стали важными составляющими казанской школы востоковедов [10, с. 4].

Одно из таких научных путешествий был отправлен Илья Николаевич Березин. Его относят к основоположникам российского востоковедения XIX века. Научная деятельность Ильи Николаевича делится на два периода – Казанский и Петербургский. В данной статье нас интересует Казанский период, а именно – написанная в тот период монография «Путешествие по Дагестану и Закавказью».

Будучи уже магистром восточной словесности [Там же], Березин был отправлен в научное путешествие, которое длилось три года: с 1842 г. по 1845 г. Это была уже не первая подобная поездка Ильи Николаевича. Ранее для написания своей диссертации он посещал Астрахань, где изучал быт татар и персов.

На этот раз путешествие было длительным: по плану его руководителя М. М. Казембека Березин посетил Закавказье, Персию, Ливан, Сирию и Палестину, Египет и Малую Азию. Он руководствовался составленной Казембеком инструкцией, которая требовала всестороннего изучения языков, литературы, современной жизни, в том числе «обычаев жителей, их религии и расколов», истории и памятников прошлого [6, с. 739]. В течение трех лет Березин собрал большое количество материалов о народах Кавказа и Ближнего Востока. Тем самым он внес большой вклад в историю, филологию и этнографию.

По возвращении в университет Березин предоставил в отделение философского факультета дневники путешествия, которые были высоко оценены как «богатый источник драгоценных материалов по Востоку» [12, с. 132]. Полученные им материалы были опубликованы двухтомником «Путешествие по Востоку» в 1850-1852 гг. Первый том содержит сведения о Дагестане и Закавказье, которые он посетил в начале своего путешествия – в 1842 году [7]. А второй том «Путешествие по Северной Персии» содержит сведения о гораздо более дальних странах – Персии и Леванте [8].

В данной статье нас интересует начало путешествия, изложенное в первом томе: от Дербента до Кубы (часть III) и от Кубы до Баку (часть IV). Цель исследования состоит в попытке определить степень достоверности сведений, изложенных в работе И. Н. Березина.

Об этих землях Илья Николаевич собрал различные сведения. Он описывает географическое положение посещенных городов, дорожные условия, даже дает метеорологические характеристики, помещенные в приложениях. Там же находятся и сведения о народонаселении. Описание культуры, быта и нравов народов, населяющих Кавказ, переходит в краткий исторический очерк.

Поскольку история Кубинского и Дербентского ханств XVII-XVIII вв. вызывает много вопросов, сведения Березина представляют собой ценный материал для изучения. Рассмотрим отдельно исторические сведения, приведенные автором:

1. Строительство Дербентской крепости.
2. Вторжение арабов на территорию Дагестана.
3. Основание Кубы.
4. Происхождение династии кубинских ханов.
5. Период правления Фат-Али-хана.
6. Последующие кубинские владельцы.
7. Эпиграфические материалы.

Чтобы определить достоверность приведенной информации, необходимо провести ее критический анализ. Наиболее распространенным методом проверки источника является сравнительно-текстологический (сопоставительный) анализ. С его помощью определим «достоверные» и «вероятностные» факты. К первым можно отнести не вызывающие сомнений, принятые в современной науке и подтверждаемые другими источниками, ко вторым – сведения, повторяющиеся в работах историков, но несколько отличающиеся, а также имеющие скудное подтверждение в источниках. Предположения и догадки самого автора могут рассматриваться независимо от иных работ.

Сравним сведения «Путешествий» и других работ и источников по интересующим нас вопросам.

1. В третьей части своего «Путешествия», при определении даты постройки Дербента Березин приводит мнение самих дербентцев, данные «Дербендиады» (так Березин называл известное произведение «Дербенд-намэ») и обобщает информацию восточных писателей (ал-Масуди, З. Казвини, Абу-ль-Фида и ал-Бакуви). Полностью отвергая версию «правоверных» дербентцев о постройке города Александром Македонским (подтверждение этой версии отсутствует в источниках), Березин выражает большие сомнения и по поводу версии, изложенной в «Дербенд-намэ». Последняя, в свою очередь, приписывает основание города сасанидскому правителю Кобаду. Березин считает наиболее достоверной версию восточных авторов: об основании Дербента не ранее VI века н.э. [7, с. 120]. Эта дата строительства крепости считается наиболее верной в современной исторической науке [4, с. 125]. Таким образом, эти сведения мы относим к достоверным.

2. В описании Дербента Березин дает краткий перечень всех стран и династий, которым когда-то был подвластен город. В истории о вторжении арабов Березин как будто сокращает сведения А. Бакиханова, приведенные им в работе «Гюлистан-и-ирам» [5]. Здесь и об отправлении 40-тысячного войска во главе с Масламой ибн Абдул-Маликом в Дербент, о предательстве одного из жителей крепости, о разрушении стен и о повторном походе, на этот раз Джарраха бен Абдулла, который взял Дербент и пал на поле сражения [5, с. 68-69; 7, с. 121]. А. К. Бакиханов далее пишет о том, что арабы оставили в Кумухе правителем потомка дяди пророка Шамхала ибн Абдаллаха ибн Касима (и якобы с тех пор всех правителей Кумуха стали называть шамхалами), в Кайтаге правителем назначил своего родственника Хамзу [5, с. 70].

Березин же ограничивается информацией об укреплении крепости Нарын-Кала Абдул-Маликом, покорении и обращении в ислам кумыков, кайтагцев, табасаранцев, аварцев и других [7, с. 122]. Во время своего путешествия он встречался и беседовал с А. К. Бакихановым. Возможно, что краткое изложение истории Дербента подкреплено беседой с ним. Так почему он не приводит столь интересные сведения о правителях и основателях династий на дагестанских землях? Возможно, что он посчитал их неправдоподобной попыткой «сроднить» дагестанские династии с семьей пророка. А может, нашел подобную информацию лишней для своей книги, что представляется нам маловероятным.

В исторической науке уже не рассматривается версия о происхождении дагестанских династий от дяди пророка, поскольку эти данные не были подтверждены источниками того периода: ни дагестанскими, ни собственно арабскими. Это делает информацию Ильи Николаевича Березина достоверной.

3. Из Дербента Березин направляется в Кубу. История Кубинского города приводится в четвертой части книги – «От Кубы до Баку». По словам Березина, к Кубе нельзя приложить общую формулу, что «основание ее теряется во мраке древности». В отличие от Дербента, Куба – не древний город, он построен уже в новое время [Там же, с. 172]. Н. И. Надеждин относил основание Кубы к последнему периоду (с 1400 г. до 1828 г.) в своей таблице городов Российской империи [11, с. 470]. И. П. Петрушевский считал, что резиденцией кубинских ханов были крепости Худат и Калахан. А уже с 1735 года вновь основанный город Куба [16, с. 141].

Березин же пишет о том, что после смерти Надир-шаха, «побоявшись общих смячений», жители Худата переселились в более безопасные места – болота, где и был основан новый город Куба [7, с. 172]. По его сведениям, город был основан не ранее 1747 года. Каковы источники этих сведений, Березин не указал. В известных нам исторических работах, посвященных данному периоду, а также в источниках такой даты мы не встречаем. Однако она приводится в «Кавказском календаре» за 1847 год, имеющем запись о перенесении столицы в Кубу – на левый берег реки Кудьял в 1747 году [1, с. 192]. Отсутствие документального подтверждения (и вообще указания источника) делает версию автора вероятностной.

4. Вопрос о происхождении кубинских ханов в источниках освещается по-разному. Но большинство авторов склоняются к версии уцмийского происхождения кубинской династии. О Кайтагском происхождении писали П. Бутков [9, с. 251], А. К. Бакиханов [5, с. 122], Г. Алкадари [3, с. 68] и А. Г. Серебров. Последний среди прочего коротко резюмировал, что после смерти Надир-шаха Кубинской провинцией владел султан Ахмад-хан, из рода каракайтагских владельцев [18]. Также Березин в таблице Кубинских ханов указывает Ахмад-хана и Султан-Ахмад-хана уцмями, поскольку они были «владельцами Каракайтага некоторое время» [2, с. 907]. Петрушевский отмечал происхождение кубинских ханов от маджалисской ветви кайтагских уцмиев [16, с. 141].

Березин предложил иную версию. Основателем династии кубинских ханов автор называет некоего Лезги Ахмеда, который и выстроил изначально Худат [7, с. 172]. О Лезги Ахмеди мы находим информацию также у Лопухина и Петра Услара. Дворянин А. Лопухин, перевозивший из Персии в Москву слона – подарок иранского шаха, проходил в 1718 году через территорию Дагестана, о чем и написал свое «Путешествие через Дагестан» [15, с. 3-46]. В частности, он описывает свое пребывание в Кубе, отмечая, что здешний народ очень вольный, и шахского ставленника они не уважают и не слушают. А принимают они только хана, который имеет власть по наследству и самими жителями выбран. Таким образом, мы узнаем, что в 1718 году ханом в Кубе был некий Ахмед, которому было всего 14 лет. О кайтагском происхождении Лопухин не пишет, хотя это неудивительно – он мог о нем не знать.

Услар писал, что Лезги Ахмед, переселившийся в Персию, был родственником кайтагских уцмиев. Позже вернулся уже правителем Худата, став родоначальником династии кубинских ханов [19, с. 6].

Про Ахмеда, но уже без приставки «Лезги», писали А. К. Бакиханов, Г. Алкадари и П. Бутков. По версии Бакиханова, первым ханом Кубы был Гусейн-хан (отец Ахмеда), получивший власть от шаха. Вместе с этим Бакиханов называет основателем династии его сына Ахмеда [5, с. 122].

Илья Николаевич пишет, что преемником Лезги Ахмеда был его сын Султан-Ахмад-хан, убитый своим тестем в начале XVIII века во время антииранских выступлений. У него был малолетний наследник Гусейн-Али-хан, которого спасли и воспитали в горах. Впоследствии он вернул себе кубинский престол под покровительством Надир-шаха. А во время осады столицы недовольными жителями ему помогли шамхал Хасбулат и правитель Дербента, разбившие восставших. И уже после смерти Надир-шаха столица была перенесена Гусейн-ханом в Кубу. История про спасенного малолетнего наследника есть во всех источниках, как-то касавшихся истории Кубинского ханства. Но во всех них есть неувязки и сомнительные сведения. Вопросы вызывает дважды повторяющаяся история с убийством ханов и спасением их малолетних сыновей по имени Гусейн-хан, которые позже возвращают себе престол. Между убийством Султан-Ахмад-хана и восшествием на престол его сына прошло несколько лет, в течение которых Кубой должен был кто-то управлять. Серебров считал, что это был Сурхай-хан Кази-Кумухский [18, с. 182]. Больше нигде эта версия не встречается, но и другая не предлагается. Поэтому сведения Березина по данному вопросу полностью подтвердить или опровергнуть не представляется возможным. Отнесем их к вероятностным.

5. О захвате Дербента Фат-Али-ханом Березин пишет, что Дербент был взят им в 1760 году, когда недовольные своим правителем дербентские беки вошли в сговор с кубинским ханом. А в 1766 году он передал управление городом своей жене Туту-бике [7, с. 123]. Илья Николаевич не указывает источник своих сведений, а в известных нам работах такая информация не приводится. Бакиханов писал, что жители Дербента в 1759 году сами обратились к новому кубинскому хану Фат-Али с просьбой о помощи против Тагир-бека (брата хана). У Алкадари мы видим схожую информацию: в 1758 году жители Дербента вручили кубинскому хану звание дербентского правителя [3, с. 81]. Бутков же писал, что Фат-Али-хан овладел городом в 1765 году [9, с. 138]. Эту дату называют датой присоединения Дербентского ханства к Кубинскому и современные дагестанские историки [17, с. 184].

Далее Березин описывает конфликт между Фат-Али-ханом и уцмием каракайтагским. Противостояние Фат-Али-хана, его жены Туту-бике и ее брата кайтагского уцмиев Амир-Гамзы изложено многими авторами [3, с. 82; 7, с. 123-124; 9, с. 251]. При этом хронология событий совпадает. Но неверная дата присоединения Дербента к Кубинскому ханству не позволяет считать информацию Березина полностью достоверной.

6. В 1789 году умирает Фат-Али-хан, и ему наследует его старший сын Ахмад-хан, после смерти которого власть получает младший сын Шейх-Али-хан [7, с. 124]. Об этом нам пишут Алкадари [3, с. 90] и Бакиханов [5]. Бутков пишет, что Ахмад-хан пришел к власти в 1789 и умер в 1790 году [9, с. 278-280]; Бакиханов дает другую дату смерти (1789-1791). Березин и вовсе отводит Ахмад-хану шесть лет правления (1789-1795). Это несовпадение в датах тем более странно, что Березиным самим была издана надпись с могильного памятника Ахмед-хана на Кырхлярском кладбище, датированная 1790-1791 гг. [14, с. 76]. В остальном краткие сведения о Шейх-Али-хане не вызывают противоречий с другими известными нам источниками, документами [2, с. 907] и историческими исследованиями. Отнесем эти сведения к достоверным.

7. В своем «Путешествии по Дагестану и Закавказью» Березин эстампировал эпиграфические надписи, найденные им в Дербенте. Однако этот его труд был невысоко оценен. Л. И. Лавров писал, что по части эпиграфики это было непродуктивное путешествие. Предприняв такое долгое и дорогостоящее путешествие, Березин собрал всего 9 куфических надписей, которые были скопированы очень плохо [13, с. 29]. Также он назвал нечитаемыми надписи, которые позже были эстампированы Г. С. Твердохлебовым и прочитаны Е. А. Пахомовым. Но в то же время Лавров отмечал и некоторую полезность и плюсы труда Березина: он обратил внимание на ряд до этого неизвестных могильных памятников и собрал материал по эпиграфике [Там же].

Описывая кладбище Кырхляр, Березин находит могилы членов кубинской династии. Кроме упоминавшейся нами выше могилы Ахмад-хана, на западной стороне кладбища находится надгробная часовня Туту-Бике (жены Фат-Али Хана), похороненной в 1202 году хиджры (1787-1788). Это подтверждается приведенной им надписью на арабском языке с могилы Туту-бике [14, с. 74].

Рассмотрев две части «Путешествия» Ильи Николаевича Березина, мы можем сделать некоторые выводы. К «достоверным» сведениям мы относим следующие:

1. Дата постройки Дербентской крепости, указанная Березиным, совпадает с принятой в современной исторической науке.

2. Версия об арабском происхождении некоторых дагестанских правивших династий игнорируется Березиным, что говорит о его недоверии к ней. Несостоятельность данной теории доказана и современными историками.

3. Информация о наследниках Фат-Али-хана.

К «вероятностным» сведениям мы относим:

1. Дата основания Кубы, указанная Березиным, является лишь одной из многих вероятных.

2. Вопрос о происхождении ханов кубинской династии остается спорным в современной исторической науке.

3. Дата присоединения Дербента и Дербентского ханства к Кубинскому.

Среди выводов можно отметить и другие. Приводимые Березиным исторические сведения основаны на различных источниках. Но в его работе нет привычных для научных работ ссылок. Однако это не позволяет нам утверждать, что в книге их нет вовсе. Они внутренние, т.е. Березин вводит их в повествование, в своих рассуждениях опираясь на исследования самых разных историков, прочитанные им.

Проанализировав две части работы, мы выявили источники и исследования, на которые опирался автор при написании труда:

- 1) этнологические материалы: а) полевые исследования в виде расспросов местных жителей и городских «легенд»; б) описание культуры и быта народов;
- 2) эпиграфические материалы с надмогильных плит в Кырхляре, со стен мечетей и других сооружений;
- 3) «Дербенд-нам», названная Березиным «Дербендиадой»;
- 4) сведения А. Бакиханова, с которым Илья Николаевич встречался лично;
- 5) данные из экспедиций русских исследователей (Урусова, Бековича, Токмачева, Гумбольдта, Гмелина и Войновича и других);
- 6) работы арабских историков (Масуди, Казвини, Абу-ль-Фид, Бакуви);
- 7) «Журнал путешествия через Дагестан 1718» А. И. Лопухина.

Продолжая критику источника, нельзя игнорировать следующее. Автор во вводной части пишет, что его книгу могут назвать «некстати болтливой» [7, с. 14]. И книга эта для большинства читающей публики, а не для научных кругов. Избегая догматического изложения, Березин называет свою работу не более чем «путевым дневником туриста, пополненным историческими и географическими изысканиями» [Там же].

В. В. Бартольд в статье «И. Н. Березин как историк» писал, не умаляя достоинств Березина как ученого, что работу «Путешествие по Востоку» можно назвать скорее произведением публицистической литературы, чем произведением научной литературы [6, с. 740].

Казалось бы, работа носит публицистический характер и рассматривать ее нужно только в подобном ключе. Однако одно лишь утверждение автора во введении и неакадемический стиль написания работы не делают ее недостоверным источником. Большое количество несостыковок позволило бы нам не полагаться на данный труд, если бы они противоречили всем другим исследованиям. Но это не так. Большинство сведений, изложенных Березиным, встречаются частично и в других работах и источниках. Но ни одну не повторяют полностью, что делает его труд полезным в исследовательской работе.

Несмотря на малое количество собранных им эпиграфических надписей, Березин открыл путь к их дальнейшему изучению. В XIX веке изучение Кавказа и стран Ближнего Востока в России было крайне недостаточным. Поэтому весь собранный им материал не только позволил продолжить изучение Кавказа в XIX веке, но и дал начало последующему изучению. Имеется один принципиальный момент, на который указал сам автор: «...область знаний столь обширна, а Дагестан и Закавказье еще так мало известны, что для работы описывателя найдется много положительных фактов, любопытных и неподделанных насильно» [7, с. 14].

Список источников

1. Абдуллаев Г. Б. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1965. 620 с.
2. Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией: в 12-ти т. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. 950 с.
3. Алкадари Г. Асари-Дагестан. Махачкала: Издание Дагестанского науч.-исслед. ин-та, 1929. 184 с.
4. Артамонов М. И. История хазар. М.: РИПОЛ классик, 2013. 525 с.
5. Бакиханов А. Гюлистан-и-Ирам. Баку: Эльм, 1991. 304 с.
6. Бартольд В. В. И. Н. Березин как историк // Бартольд В. В. Сочинения: в 9-ти т. М.: Наука, 1977. Т. IX. С. 737-756.
7. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская типография, 1850. 473 с.
8. Березин И. Н. Путешествие по Северной Персии. Казань: Тип. Губ. правл. и Унив., 1852. 446 с.
9. Бутков П. Г. Материалы для Новой истории Кавказа, с 1722 по 1893 год: в 3-х ч. СПб., 1889. Ч. 2. 621 с.
10. Валеев Р. М., Темирбеков М.-Н. А. Илья Николаевич Березин, 1818-1896. Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. 19 с.
11. Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1844. Часть шестая. 518 с.
12. История отечественного востоковедения до середины XIX века: коллективная монография. М.: ГРВЛ, 1990. 440 с.
13. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: в 3-х ч. М.: Наука, 1966. Ч. 1. Надписи X-XVII вв. 240 с.
14. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: в 3-х ч. М.: Наука, 1968. Ч. 2. Надписи XVIII-XX вв. 242 с.
15. Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 3-46.
16. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1949. 380 с.
17. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1964. 270 с.
18. Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 // История, география и этнография Дагестана в XVIII-XIX вв. Архивные материалы / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Издательство восточной литературы, 1958. С. 173-196.
19. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание: в 7-ми т. Тифлис, 1896. Т. VI. Кюринский язык. 639 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO CHAPTERS OF I. N. BEREZIN'S WORK "TRAVEL TO DAGESTAN AND THE TRANSCAUCASIA"

Polchaeva Fatimat Abdulnetifovna

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
polchaeva94@mail.ru*

The article deals with the information about the Eastern Caucasus, left by the Russian orientalist Ilya Nikolayevich Berezin in his work "Travel to Dagestan and the Transcaucasia", prepared as a result of his journey to the East; this work has become an important historical source. The author carries out the comparative analysis of the content of two chapters – "From Derbent to Kuba" and "From Kuba to Baku" – and identifies "reliable" and "probabilistic" information. Despite the fact that the work is of "journalistic" nature, it contains important epigraphic materials, information on the genealogy of Kuba khans, the construction of Derbent fortress, and so on.

Key words and phrases: travel; Dagestan; Transcaucasia; Derbent; oriental studies; historical source; I. N. Berezin; dynasties; khan; Kuba.

УДК 94

Дата поступления рукописи: 13.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.14>

Статья посвящена характеристике условий развития Сербии в 1889-1893 гг. и реакции русского общества на эти события. Отречение Милана Обреновича от престола и последовавший переход власти в руки радикальной партии во главе с Н. Пашичем ознаменовали наступление нового этапа во внешней политике Королевства Сербии. Целью работы является проследить за динамикой отражения в русской общественной мысли политической жизни этого балканского государства в период регентства, определить основные тенденции в отечественной прессе того периода в освещении событий, происходивших в Белграде.

Ключевые слова и фразы: история; история международных отношений; Сербия; Россия; Австро-Венгрия; Обреновичи; Балканы; зарубежное регионоведение.

Туманин Виктор Евгеньевич, к.и.н., доцент

Галиуллин Марат Зуфарович, к.и.н.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
v.tumanin@mail.ru; maratscorpion@yandex.com*

**КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

22 февраля 1889 г. король Сербии Милан Обренович, несмотря на возражения Вены, отрёкся от престола в пользу своего двенадцатилетнего сына Александра Обреновича. До его совершеннолетия власть должна была принадлежать Регентскому совету во главе с Йованом Ристичем и с участием генералов Протича и Белимарковича.

Регентский совет позволил лидеру сербской радикальной партии Николе Пашичу вернуться в Сербию. На прошедших парламентских выборах радикальная партия одержала убедительную победу, набрав около 80% голосов. В феврале 1891 г. Н. Пашич возглавил правительство Сербии. Характеризуя этого политика, отечественная пресса писала о нем: «...известный своими русскими симпатиями председатель народного собрания, бывший радикальный деятель, приговоренный когда-то королем Миланом чуть ли не к смертной казни» [5, с. 859]. Такое изменение внутривнутриполитической ситуации повлекло за собой и внешнеполитическую переориентацию Сербии в сторону России.

Политические изменения в Сербии стали «явлением в высшей степени знаменательным». Для русской общественности это служило подтверждением старой истины, что «судьбы государств и народов зависят не от произвола отдельных личностей, а развиваются и совершаются в силу непреложных законов их исторического бытия» [12, с. 347].

Но «мирный государственный переворот» в Сербии, вопреки утверждениям русских патриотических изданий, возлагавших большие надежды на радикалов, вовсе не означал коренного поворота «младшего из европейских королевств» в сторону России и не повлек за собой каких-либо резких перемен в положении Сербии, хотя в сербско-русских отношениях наблюдалась определённая «оттепель».

Пожалуй, наиболее заметными были изменения в системе взаимоотношений с Австро-Венгрией, политике которой на Балканском полуострове с установлением нового правительства в Сербии был причинён «определённый ущерб». Скупщина, собравшаяся в начале октября 1890 г., состояла преимущественно из радикалов, которые выступали решительными противниками австрофильства. Поэтому становилось очевидным, что одностороннее господство австрийского влияния должно было прекратиться для Сербии. Глава регентского совета Й. Ристич 8 (20) октября 1889 г. в своей речи подчеркнул «новые драгоценные приобретения» в сфере международных отношений, а скупщина в своем ответном послании прямо указывала на необходимость «возобновления дружбы с Россией» [3, с. 422].